

Канал связи Сталин — Рузвельт

В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев*

Знаменитая переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом в годы Великой Отечественной войны — хрестоматийный источник для изучения союзной дипломатии военных лет. Однако новые документы российских и американских архивов дают возможность проследить происхождение этих посланий, выявить их подчас трудноуловимый для внешнего взгляда подтекст и тем самым — создать более предметное и углубленное представление о роли этого уникального канала в становлении боевого союза двух великих держав.

* * *

Переписка Сталина с Рузвельтом наладилась не сразу. Её начал Рузвельт, чьё первое послание Сталину было связано с известной миссией Г. Гопкинса в Москву летом 1941 года. 25 июля Гопкинс запросил согласия президента на свою поездку в советскую столицу прямо из Лондона, где он вёл переговоры с У. Черчиллем и членами его кабинета: «По-моему, — телеграфировал он, — нужно сделать всё возможное для того, чтобы русские удержали постоянный фронт, даже если они и потерпят поражение в нынешней битве. Если в этот критический момент и можно как-то повлиять на Сталина, то это стоит сделать путём прямого обращения от Вас через личного посланника. Ставки, на мой взгляд, настолько велики, что необходимо это сделать. Тогда Сталин будет точно знать, что мы

всерьёз настроены на долговременную поддержку поставками»¹. Рузвельт полностью одобрил предложение своего alter ego и на следующий день отправил Гопкинсу послание для Сталина, подготовленное при помощи первого заместителя госсекретаря С. Уэллеса².

В нём он выразил своё восхищение борьбой «русского народа» с гитлеровской Германией и готовность оказать помощь СССР путём поставок американских военных материалов. Чтобы подчеркнуть серьёзность своих намерений, он сослался на встречу с послом СССР в США К. А. Уманским от 10 июля³ и выразил готовность обсудить детали поставок с миссией генерала Ф. И. Голикова, находившейся в Вашингтоне (личная встреча Рузвельта с Уманским и Голиковым состоялась 31 июля⁴). В своём послании Рузвельт также высказал просьбу «разговаривать с Гопкинсом с тем же доверием, которое Вы испытывали, если бы говорили со мной напрямую».

Встречи Сталина с Гопкинсом 30–31 июля⁵ прошли в откровенной и доверительной обстановке, сыграв большую роль в становлении советско-американского сотрудничества. Сталин произвёл на Гопкинса сильное впечатление: «Никто не сможет забыть образ диктатора России — строгую, суровую, решительную фигуру в сапогах, которые блестели как зеркало, плотные, мешковатые брюки, тесно прилегающую гимнастёрку... Его голос суров, но он всегда

* **Владимир Олегович Печатнов** — д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

Искандер Эдуардович Магадеев — аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

держит его под контролем. Он говорит именно с тем ударением и интонацией, в какой нуждаются его слова»⁶.

Гопкинс докладывал Рузвельту о том, что во время личной встречи Сталин «выразил глубокую благодарность Президенту за его заинтересованность в их борьбе против Гитлера... Он сказал, что вначале думал направить ему письменное послание, но потом решил, что будет лучше, если я передам его своими словами». Это был правильный расчёт на то, что Рузвельт скорее поверит своему доверенному эмиссару, чем ему. Суть сталинского наказа Гопкинсу была проста и радикальна: США являются «главной опорой» всех антигитлеровских сил мира, их вступление в войну решит её исход, рано или поздно американцам «придётся сойтись» с немцами на поле боя и потому он «будет приветствовать американские войска на любом участке русского фронта под полным американским командованием». Последнее приглашение звучало для Гопкинса фантазией, но он обещал всё передать президенту. Прекрасно понимая всю взрывоопасность разглашения такого призыва, Гопкинс передал единственный экземпляр записи этой беседы Рузвельту и просил его не показывать её в Госдепартаменте⁷. Так Сталин впервые заговорил о войсках союзников на советско-германском фронте — задолго до его аналогичного обращения к Черчиллю в середине сентября. Сам он вряд ли верил в реальность скорого участия невоюющей ещё Америки в боевых операциях на своём фронте; так, что это было — жест отчаяния или попытка приучить американцев к мысли о неизбежности реальной схватки с вермахтом? Вопрос остаётся открытым.

Первое письменное послание в Белый дом от имени Сталина было отправлено 4 августа через посольство СССР в США. Рузвельт в те дни находился в секретной поездке для первой встречи с Черчиллем в заливе Арджентия (остров Ньюфаундленд). «Чтобы не задерживать выполнения Вашего задания, — сообщил Молотову посол СССР в США Уманский 5 августа, — я написал Рузвельту рукописное личное письмо, в котором дословно изложил послание товарища Сталина и попросил Рузвельта реагировать на это послание письменно, ввиду невозможности личной встречи. Своё письмо, прошитое и запечатанное, я передал, минуя Госдепартамент, заведующему секретариатом Белого дома, который обещал мне доставку его в руки Рузвельта не позже 7 августа вылетающим в этот день

в эскадру фельдгерским самолётом»⁸. Перевод Уманского был точным и дошёл до адресата, однако «письменной реакции» на это послание не последовало. И это не удивительно. Безо всяких объяснений и личного обращения к президенту правительству США предлагалось оказать давление на Финляндию, дабы предотвратить её вхождение в войну на стороне Германии. Это весьма неуклюжая, граничащая с требованием просьба непонятного происхождения⁹, должно быть, вызвала некоторое недоумение в Белом доме, который предпочёл воздержаться от прямого ответа. Однако, как сообщил Уманскому через две недели Уэллес, идя навстречу советскому пожеланию, Госдепартамент предостерег финского посланника Я. Прокопе от продолжения войны с СССР¹⁰. Во время встречи с ним Уэллес подчеркнул, что, несмотря на готовность советского правительства пойти на некоторые уступки Финляндии для предотвращения её вступления в войну, это не означает ослабления СССР, так как «советское правительство не только прекрасно сопротивляется германской агрессии, но также готово неограниченно долго сражаться с Германией»¹¹. Финнов, однако, де-марш Уэллеса не остановил.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 4 августа 1941¹²

«СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявленная Англией блокада Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в правящих кругах Финляндии. Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР.

Если бы Правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор».

* * *

Первое совместное послание Рузвельта и Черчилля Сталину было составлено 14 августа во время совещания двух лидеров на острове Ньюфаундленд после обсуждения вопроса о помощи Советскому Союзу с участием Гопкинса.

Посол США в Москве получил указание вручить его Сталину совместно с британским коллегой от имени обоих государств. 15 августа Л. Штейнгардт и С. Криппс вручили его Сталину, который просил их передать Рузвельту и Черчиллю «сердечную благодарность за их готовность оказать помощь СССР в его освободительной войне против гитлеровской Германии». Ознакомившись с посланием, Сталин отметил, «что он приветствует предложение Рузвельта и Черчилля и что со стороны СССР не будет возражений против созыва в Москве совещания представителей трёх стран для распределения сырья и вооружения». Он также добавил, что «готов принять все меры, чтобы это совещание состоялось как можно скорее»¹³.

На этой же встрече по предложению американской стороны было решено опубликовать сообщение о приёме послов и текст самого послания Рузвельта и Черчилля в Москве, Лондоне и Вашингтоне 16 августа в 9 часов утра по московскому времени¹⁴. При этом английское и американское посольства в спешке перепутали порядок абзацев в тексте послания, что после публикации было замечено и в Москве и в Вашингтоне. В. М. Молотов дал указание Уманскому разобраться в этом вопросе с Госдепартаментом¹⁵ и 20 августа Штейнгардт переслал Молотову «окончательный и достоверный» вариант послания¹⁶.

Судя по всему, Сталин был действительно доволен полученным известием: союзники пошли на первый согласованный шаг по оказанию помощи СССР, и то, что будущее совещание было предложено провести в Москве с его участием, лишний раз подтверждало серьёзность их намерений.

**Ф. Рузвельт и У. Черчилль
И. В. Сталину 14 августа 1941**

«Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великопепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем.»

Мы должны теперь обратить наше внимание на рассмотрение политики, рассчитанной на более длительное время, ибо предстоит еще пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными.

Война идет на многих фронтах, и, до того как она окончится, могут возникнуть еще новые боевые фронты. Наши ресурсы хотя и огромны, тем не менее они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к военному снаряжению, так и к сырью.

Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами. Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то мы хотим поставить Вас в известность, что впредь до принятия этим совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы.

Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления».

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ
Уинстон С. ЧЕРЧИЛЛЬ

Второе личное послание Рузвельта Сталину от 17 сентября должно было быть передано с А. Гарриманом, который отправился на это совещание в Москву во главе американской миссии. Однако это письмо, как зафиксировал 26 сентября в своей докладной Гопкинс на основании отчёта офицера связи, задержалось из-за плохой погоды и Гарриман не успел его получить до своего отлёта из Лондона в Москву. «Письмо было сожжено, поскольку его не должен был видеть никто, кроме г-на Гарримана»¹⁷. По прибытии в Москву Гарриман обратился к Рузвельту

с просьбой прислать ему «личное послание» для советского лидера, подчеркнув важность этого шага и то, что британский представитель лорд У. Бивербрук привёз Сталину личное послание от Черчилля¹⁸. Президент поручил Гопкинсу продублировать в Москву вариант послания, сожжённого в Лондоне, что и было исполнено¹⁹. 30 сентября письмо было передано Сталину. Но его злоключения на этом не кончились — переданное простым шифром через Госдепартамент послание перехватила и сумела расшифровать германская разведка. Документ, который «не должен был видеть никто, кроме г-на Гарримана», был разнесён по свету нацистской пропагандой в качестве доказательства «сговора» Рузвельта с коммунистами, для чего нацисты «утеплили» тон обращения президента к Сталину как своему «дорогому другу»²⁰. «Нью-Йорк Таймс» предположила, что ответственность за разглашение послания лежит на советском командовании, которое, якобы, передало по радио его текст советским войскам для «укрепления их морального состояния, а немцы перехватили его в эфире»²¹. 11 октября Рузвельт на пресс-конференции усомнился в этой версии, а на следующий день ТАСС по предложению А. Я. Вышинского, одобренному Сталиным, опроверг её как «сплошной вымысел». («Верховный» усилил звучание проекта Вышинского, добавив к словам «советское верховное командование не передавало письма г-на Рузвельта тов. Сталину по радио» фразу «и не могло передать»)²².

Это был первый, но далеко не последний случай утечки секретной переписки «большой тройки». В ответственных случаях Белый дом впредь будет пользоваться каналами военной связи в обход Госдепартамента: для отправки посланий Рузвельта, как правило, использовались каналы Военно-морского министерства, а для получения — каналы Военного министерства.

Сам Рузвельт понимал ненадёжность передачи посланий через американский Госдепартамент, отдавая предпочтение советской системе кодировки. Так на встрече с Временным поверенным в делах СССР в США А. А. Громыко 11 апреля 1942 г. он «заметил, что считает более целесообразным передать послание нашим кодом, который, по его мнению, более надёжен»²³. Подтверждением уязвимости каналов связи Госдепартамента было и уникальное для дипломатической практики послание Черчилля Рузвельту от 25 февраля 1942 г. В нём британский премьер-министр, призывая к сотрудничеству

двух государств в области кодировок, признавался, что британские эксперты смогли в своё время взломать американские дипломатические шифры²⁴.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину

29 сентября 1941

«Уважаемый г-н Сталин,

Это письмо будет вручено Вам моим другом Авереллом Гарриманом, которого я просил быть главой нашей делегации, посылаемой в Москву.

Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве.

Гарри Гопкинс сообщил мне подробно о своих обнадеживающих и удовлетворительных встречах с Вами. Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий.

Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимое для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный.

Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь».

*Искренне Ваш
Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ*

Несмотря на фальстарт, идея переписки витала в воздухе и Гарриман в разговоре со Сталиным во время Московской конференции (возможно, не без подсказки самого президента) посоветовал ему установить прямой контакт с Рузвельтом. По данным Р. Шервуда, Сталин с готовностью откликнулся, так как «раньше считал, что не должен обращаться непосредственно к президенту»²⁵. Своё следующее письмо Рузвельту от 3 октября (подготовленное Молотовым) он отправил с тем же Гарриманом. Адресованное на сей раз самому президенту, оно было выражением искренней благодарности за предложенную США и Великобританией помощь и не обязывало к ответу. За день до составления письма, на обеде 2 октября в Кремле с участием работников американского и британского посольств, Сталин также выступил с тостом в честь Рузвельта. Он подчеркнул

роль президента в оказании помощи странам, подвергшимся агрессии со стороны Германии, и пожелал ему в этом успеха²⁶.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту
3 октября 1941

«Уважаемый г-н Рузвельт,

Ваше письмо мне передано г. Гарриманом.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность Советского Правительства за то, что Вы поручили руководство американской делегацией столь авторитетному лицу, как г. Гарриман, участие которого в работах Московской конференции трех держав было так эффективно.

Я не сомневаюсь, что Вами будет сделано все необходимое для того, чтобы обеспечить реализацию решений Московской конференции возможно скоро и полно, особенно ввиду того, что предзимние месяцы гитлеровцы наверняка постараются использовать для всяческого нажима на фронте против СССР.

Как и Вы, я не сомневаюсь в конечной победе над Гитлером стран, которые теперь объединяют свои усилия для того, чтобы ускорить ликвидацию кровавого гитлеризма, для чего Советский Союз приносит теперь столь большие и тяжелые жертвы.

С искренним уважением»
И. СТАЛИН

Обдумывая реакцию на это сталинское послание, президент решил посоветоваться с Гопкинсом: «Как думаешь — надо ли ответить? — приписал он на переводе документа. — Особенно учитывая явное удовлетворение Сталина, когда Гарриман сказал ему, что я буду рад его прямому обращению?»²⁷. Гопкинс, должно быть, полностью поддержал идею ответа, записав через несколько дней в своём меморандуме: «После моих встреч в России у меня создалось впечатление, что президенту следует контактировать со Сталиным напрямую. Было совершенно ясно, что Сталин не имеет никакого доверия к нашему послу и другим сотрудникам посольства. Я почувствовал, что он проявил бы такое же отношение и к Госдепартаменту, если бы его спросили»²⁸.

Гопкинс был прав. Вполне вероятно, что он был осведомлен об оценках, которые Штейнгардту дал Сталин в разговоре с Гарриманом в Москве. В них он охарактеризовал американского посла как пораженца и отметил, что

Штейнгардт не раз поддавался панике в течение нескольких недель после нападения Германии на СССР²⁹. При этом стоит отметить, что и сам Гопкинс открыто высказывал свои сомнения по поводу эффективности работы Госдепартамента в вопросах двухсторонних отношений с СССР. На встрече с Уманским 11 июля 1941 г. он «откровенно признал, что в аппарате американского правительства (с намёками на госдепартамент) имеется немало людей, у которых «политические предрассудки по отношению к СССР сильнее их лояльности при выполнении приказов главы государства и главнокомандующего вооружёнными силами их родины»³⁰. Характерно и то, что Рузвельт называл работников Госдепартамента «твердокаменными бюрократами».

Вполне возможно, что именно Гопкинс после своего возвращения из Москвы первым подсказал Рузвельту идею прямого контакта со Сталиным. Для поддержания диалога Рузвельт решил-таки ответить³¹, хотя и этому его посланию не повезло. В ноябре 1941 г. оно было по ошибке отправлено диппочтой в Тегеран. До посольства США, находившегося тогда в Куйбышеве, оно дошло лишь 15 марта 1942 г. и было вручено советской стороне на следующий день³².

Ф. Рузвельт И. В. Сталину
25 октября 1941

«Уважаемый г-н Сталин,

Г-н Гарриман вручил мне Ваше любезное письмо, датированное 3 октября 1941 года. Я высоко ценю Ваше сообщение.

Вам уже отправлена телеграмма с сообщением о том, что мы распространяем на Советский Союз действие закона о займе и аренде.

Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы снова заверить Вас, что мы приложим все возможные усилия к доставке этих поставок на Ваш фронт.

Решилось Ваших армий и народа нанести поражение гитлеризму вдохновляет свободные народы всего мира».

Искренне Ваш
Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ

Следующее послание Рузвельта Сталину (от 30 октября) тоже дошло до адресата не совсем обычным путём. Во время встречи 2 ноября Штейнгардта и Вышинского в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел СССР выразил желание получить текст послания, который был у посла в руках. Однако последний заявил,

что «он не может этого сделать, т. к. произошло досадное недоразумение, даже глупость, так как послание передано ему шифром, а на передачу расшифрованного текста необходимо специальное разрешение из Вашингтона»³³. Ввиду этого «недоразумения» он мог устно передать лишь содержание послания, но не его текст. В тот же день, но уже после этой беседы по настоятельной просьбе Вышинского посол дослал ему памятную записку с изложением послания, которая и была опубликована в «Переписке». Сличение этой записки с сохранившимся в архиве Рузвельта оригиналом послания показывает, что за исключением замены первого лица на третье она точно воспроизводит его содержание³⁴. Вдогонку этому посланию на следующий день через Штейнгардта Вышинскому был передан одобренный Рузвельтом длинный список товаров в дополнение к поставкам, намеченным в Первом протоколе³⁵. При этом посол попросил рассматривать этот список наравне с посланием, «ибо телеграмма по этому поводу была получена им не от Хэлла, а от Рузвельта»³⁶.

Передавая Вышинскому памятную записку с изложением послания Рузвельта от 30 октября, Штейнгардт особо отметил два обстоятельства: одобрение президентом всех решений Московской конференции и предоставление Советскому Союзу беспроцентного займа для оплаты поставок по ленд-лизу. Последнее, добавил он, «означает, что отныне Советское правительство не должно будет беспокоиться по поводу финансовой стороны поставок во всяком случае до тех пор, пока не будет израсходована вся сумма займа»³⁷. Впрочем, Сталин вряд ли нуждался в разъяснениях посла, чтобы сразу же оценить все преимущества рузвельтовского предложения. До последнего времени в Кремле изыскивали средства для оплаты поставок, отправив за океан в качестве залога специальный корабль с десятью тоннами золота общей стоимостью 30 млн долл.³⁸. Теперь об этом действительно можно было не беспокоиться, а выделение президентом дополнительных поставок лишь подчёркивало верность Вашингтона принятым на себя обязательствам.

Штейнгардт также сделал акцент на том, что «послание является не правительственным документом, а личным письмом президента»³⁹. Действительно, послание Рузвельта были фактическим приглашением к установлению прямого личного контакта со Сталиным, что порадовало последнего. Теперь уже самому Сталину захоте-

лось огласить послание Рузвельта для поддержки морального духа советского народа.

**Памятная записка,
вручённая Послом США
г-ном Штейнгардтом
А. Я. Вышинскому
2 ноября 1941 года**

«В личном послании г-ну Сталину Президент

Рузвельт заявляет:

- 1) *Что он ознакомился с Протоколом Конференции Трёх Держав в Москве и обсудил с членами американской миссии изложенные в нем данные;*
- 2) *Что он одобрил все списки военного снаряжения и вооружения и отдал распоряжение, чтобы сырьевые материалы были предоставлены по мере возможности и как можно скорее;*
- 3) *Что он дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в возможно наибольшем объеме;*
- 4) *Чтобы избежать финансовых затруднений, он отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду на сумму до 1 000 000 000 долларов;*
- 5) *Он предлагает, если Советское Правительство это одобрит, чтобы Соединенные Штаты не взыскивали процентов с задолженности, которая может возникнуть у Советского Правительства и которая вытекает из этих поставок, и чтобы платежи по этой задолженности начались только спустя пять лет после окончания войны и производились в течение десяти лет после истечения этого пятилетнего периода;*
- 6) *Президент надеется, что Советское Правительство приложит особые усилия, чтобы продать Соединенным Штатам те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет зачисляться на счет Правительства Советского Союза;*
- 7) *Президент пользуется случаем, чтобы выразить Советскому Правительству благодарность за быстроту, с которой г-н Сталин и его коллеги провели Конференцию Трёх Держав в Москве, и заверяет его, что постановления этой Конференции будут выполнены в максимальной степени;*

8) *Президент выражает надежду, что г-н Сталин не замедлит войти в контакт непосредственно с ним, если этого потребуют обстоятельства.*

Ответ Сталина был выдержан в подчеркнuto благодарственном и предупредительном духе. 6 ноября в 1 час ночи послание Сталина и его копия на английском языке были вручены Вышинским Штейнгардту. Посол назвал послание Сталина «превосходным ответом на послание Рузвельта, замечательным документом». Вышинский передал Штейнгардту пожелание Сталина и Молотова опубликовать последнее послание в советской печати. Осторожный посол усомнился во внутриполитической целесообразности разглашения факта предоставления миллиардного кредита в обход Конгресса США⁴⁰. Он сослался на то, что «Рузвельт принимал аналогичные решения в свое время относительно Англии, и сообщения о них делались спустя несколько месяцев после того, как общественное мнение Америки было подготовлено к таким мероприятиям»⁴¹. В тот же день, 6 ноября, содержание послания Сталина было уже известно в Вашингтоне. Вечером Гопкинс позвонил Временному поверенному в делах СССР в США Громыко. Он сообщил, «что лучшего ответа из Москвы не могло и быть, настолько данный ответ хорош»⁴².

Текст ответа Сталина также был передан Рузвельту при личной встрече с ним Громыко 7 ноября 1941 г. Содержание послания к этому времени было уже известно президенту и получило его одобрение. Как отмечал Громыко, «чувствовалось, что он очень удовлетворен ответом Сталина».

Опасения Штейнгардта в отношении публикации посланий Рузвельта и Сталина не были поддержаны в Белом доме. Рузвельт высказался за их публикацию, но в перефразированном виде. При встрече с Громыко он подчеркнул, что «по его мнению, опубликование полного текста опасно. Документы связаны с риском расшифровки немцами наших кодов. Лучшим способом, сохраняющим секретность кодов, является перефразировка этих документов с таким расчётом, чтобы была обеспечена только передача их содержания»⁴³. В итоге, 8 ноября изложение текстов послания Рузвельта и ответа на него Сталина были опубликованы Госдепартаментом США, а на следующий день — в «Известиях». Дабы подчеркнуть, что конструктивный дух обмена посланиями переходит в практическое русло, рядом с ответом Сталина в «Известиях»

было опубликовано сообщение ТАСС от 8 ноября о том, что «Рузвельт предложил Стетиниусу — уполномоченному по осуществлению закона о передаче займы или в аренду вооружения — срочно приступить к осуществлению помощи Советскому Союзу на основе закона о передаче займы или в аренду вооружения»⁴⁴.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 4 ноября

«Господин Президент,

Хотя текста Вашего послания я еще не получил, Посол Соединенных Штатов Америки г-н Штейнгардт передал мне через г-на Вышинского 2 ноября с. г. памятную записку с изложением содержания Вашего послания на мое имя.

В связи с этим позвольте мне прежде всего выразить полное согласие с Вашей оценкой работ Конференции Трех Держав в Москве, что следует отнести в наибольшей мере к заслугам г-на Гарримана, а также г-на Бивербрука, сделавших все возможное для успешного завершения работ Конференции в кратчайший срок. За Ваше заявление о том, что постановления Конференции будут максимально выполнены, Советское Правительство выражает свою глубокую признательность.

Ваше решение, г-н Президент, о том, чтобы предоставить Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму в 1 миллиард долларов на оплату поставок вооружения и сырьевых материалов Советскому Союзу, Советское Правительство принимает с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом.

По поручению Правительства СССР я выражаю полное согласие с изложенными Вами условиями предоставления Советскому Союзу этого займа, платежи по которому должны начаться спустя 5 лет после окончания войны и будут производиться в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода.

Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты.

Что касается выраженного Вами, г-н Президент, пожелания, чтобы между Вами и мною был бы незамедлительно установлен личный непосредственный контакт, если этого потребуют обстоятельства, то я с удовольствием

присоединяюсь к этому Вашему пожеланию и готов со своей стороны сделать все возможное для осуществления этого.

С искренним уважением»
И. СТАЛИН

Послание Рузвельта от 6 ноября 1941 г. также было выдержано в конструктивном духе, продолжая линию на оказание Советскому Союзу разнообразной, в т. ч. и благотворительной помощи. В своём послании президент США делал отсылку на итоги работы Московской конференции. По её результатам была сформирована заявка по требуемому для СССР медицинскому снабжению. Как указывалось в «Секретном протоколе Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании» от 1 октября 1941 г., «заявка по медицинскому снабжению будет рассмотрена в Лондоне и Вашингтоне. Американский Красный Крест уже дал согласие на поставку некоторых материалов»⁴⁵. Эта заявка известна в литературе как Приложение № 2 к Московскому протоколу. Она включала в себя «83 наименования и насчитывала 11,3 млн единиц медицинstrumentария, более 560 тонн медикаментов, многие сотни тысяч резиновых изделий и др.»⁴⁶. Эти поставки должны были обеспечиваться обществами Красного Креста США и Великобритании, а также администрацией по ленд-лизу.

Стоит отметить, что особое внимание Рузвельта к деятельности Красного Креста, проявленное в послании от 6 ноября, было связано не только с тем, что американский Красный Крест должен был отчитываться перед Конгрессом США о расходовании предоставленных ему материалов, но и с тем, что сам Рузвельт являлся президентом этого общества.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину 6 ноября

«Я счастлив сообщить Вам, что медицинские материалы по списку, разработанному комиссией медицинского снабжения на Конференции Трёх Держав, будут предоставлены, как только эти материалы смогут быть закуплены и отправлены, за исключением той части из них, которая может быть предоставлена англичанами. Условия американского снабжения и производства делают невозможной немедленную закупку больших количеств некоторых требуемых предметов, но 25 % всего количества по

списку может быть предоставлено в течение 30–60 дней, а остальная часть поставок — в течение ближайших 8 месяцев.

Американский Красный Крест готов предоставить приблизительно одну треть материалов, указанных в общем списке, на сумму приблизительно в 5 миллионов долларов в качестве подарка американского народа. В соответствии с моими указаниями американский Красный Крест приобретет эти материалы за счет фондов, предоставленных в мое распоряжение Конгрессом, а также за счет фондов пожертвований американского народа, созданных для оказания помощи Советскому Союзу. Поскольку американский Красный Крест должен отчитываться перед Конгрессом и теми, кто внес пожертвования, об использовании этих фондов и материалов, Уордуэлл — председатель делегации американского Красного Креста — в письме представителю Советского Красного Креста г-ну Колесникову изложил в общих чертах ту организационную форму сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран, которая являлась бы желательной. Красный Крест также передает сегодня г-ну Колесникову послание, в котором указывается на важность соответствующего наблюдения со стороны представителя американского Красного Креста за распределением материалов последнего с учетом, разумеется, соответствующих военных соображений. Я был бы весьма благодарен, если бы Ваше правительство могло заверить меня в том, что желаемые организационные формы приемлемы. Смеею указать на то, что процедура, предложенная американским Красным Крестом, является той же, которой придерживаются при оказании им помощи Великобритании и другим странам.

На изложенной выше основе американский Красный Крест готов рассмотреть вопрос об оказании дальнейшей существенной помощи Советскому Союзу по мере возникновения потребностей и представления заявок».

В октябре–ноябре 1941 г. шла разработка соглашения между американским и советским Красным Крестом об организационной форме их сотрудничества. Оно было оформлено обменом письмами между американским (А. Уордуэлл) и советским (С. А. Колесников) представителями Красного Креста, о которых упоминал в своём послании Рузвельт. Подписание писем могло

произойти, как отмечал Штейнгардт, лишь после их просмотра и одобрения Наркоматом иностранных дел СССР. На встрече с Молотовым 6 ноября 1941 г. американский посол поставил этот вопрос лично. Молотов подчеркнул, что «не знаком с этими письмами, но если они просты, то с просмотром их не будет задержки»⁴⁷. Однако на встрече Д. Никольсоном — вице-президентом американского Красного Креста — 10 ноября 1941 г. в Куйбышеве Вышинский, выразив благодарность «за готовность содействовать нашей борьбе теми способами, которыми располагает американский Красный Крест», подчеркнул, что «заключение соглашения или обмен письмами, предложенные американской делегацией в ходе переговоров в октябре, Советское Правительство считает на настоящее время неактуальными вопросами»⁴⁸. Никольсон был явно разочарован такой позицией советского правительства и сообщил об этом в Вашингтон. 11 ноября 1941 г. Сталин получил вышеприведенное письмо Рузвельта, а на следующий день из Вашингтона пришла телеграмма председателя Красного Креста США Н. Дэвиса. Видимо, демарши Вашингтона произвели своё действие и способствовали смягчению советской позиции.

Сталин оперативно ответил на послание Рузвельта от 6 ноября 1941 г., слегка подправив черновик, подготовленный Молотовым⁴⁹. В своём послании он подчеркнул отсутствие возражений у советской стороны по установлению организационных форм сотрудничества между Красным Крестом США и СССР. Послание Сталина от 14 ноября было передано через американское посольство в Куйбышеве, а 21 ноября его текст был официально вручён Уэллесу Временным поверенным в делах СССР Громыко⁵⁰. На сопроводительке Уэллеса для президента, приложенной к сталинскому посланию, стоит приписка от руки — «нужен ли ответ г-ну Сталину?» — с резолюцией «Нет»⁵¹.

Смягчение позиции советского правительства по вопросу сотрудничества с американским Красным Крестом тут же отразилось и на переговорах с Никольсоном в Куйбышеве. Его разочарование в ходе ведения переговоров, выраженное 10 ноября, сменилось удовлетворением. В беседе с Вышинским от 22 ноября он «заявил, что получил указание возможно скорее вернуться в Вашингтон, и пришёл, чтобы проститься и выразить мне благодарность за содействие, оказанное в переговорах, результаты которых удовлетворили американский Красный Крест»⁵².

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 14 ноября 1941

«Ваше послание с сообщением о благоприятном разрешении вопроса о поставках медицинских материалов американским Красным Крестом получено мною 11 ноября.

По вопросу об установлении организационных форм сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран у Советского Правительства нет возражений, при этом имеется в виду, что это сотрудничество будет организовано в соответствии с обменом писем, текст которых был согласован в начале ноября между представителями Красного Креста обеих стран в г. Куйбышеве».

СТАЛИН

Ко времени следующего обмена посланиями между Рузвельтом и Сталиным ситуация в войне резко изменилась. 8 декабря после нападения японских вооружённых сил на Пёрл-Харбор США объявили войну Японии, а 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединённым Штатам. 9 декабря войну странам «оси» объявил и Китай. В этой обстановке Белый дом решил принять срочные меры по организации коллективного отпора Японии в Азии с участием своих союзников. Уже 8 декабря в беседе с новым послом СССР в США М. М. Литвиновым Рузвельт, вид у которого был «утомлённый и озабоченный», задал вопрос о том, ожидает ли СССР объявления ему войны со стороны Японии. Советский посол «выразил сомнение с точки зрения интересов самой Японии, которой вряд ли выгодно теперь ввязываться в войну с нами»⁵³. На встрече 11 декабря, на которой Литвинов передал Рузвельту решение о том, что СССР не будет в данный момент воевать с Японией, президент просил посла передать в Народный комиссариат иностранных дел просьбу о том, «чтобы мы не объявляли публично о нашем решении соблюдать нейтралитет, а считали вопрос как бы не решённым, для того чтобы привязать к нашему фронту возможно больше японских сил, которые иначе освободились бы для действий против Англии и Америки»⁵⁴. 14 декабря Рузвельт срочно вызвал к себе нового посла СССР Литвинова и вручил ему своё послание Сталину по данному вопросу.

Ф. Рузвельт И. В. Сталину 14 декабря 1941

«По моему мнению, крайне важно предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для совместных действий не только на ближайшие

недели, но также для окончательного поражения гитлеризма. Я очень хотел бы встретиться и поговорить с Вами лично, но так как это в настоящее время невозможно, то я предпринимаю три предварительных шага, которые, я надеюсь, подготовят более постоянное совместное планирование.

1. Я предлагаю генералиссимусу Чан Кайши созвать немедленно в Чунцине конференцию в составе китайского, советского, британского, голландского и американского представителей. Эта группа должна бы собраться не позже 17 декабря и доложить результаты своим правительствам совершенно конфиденциально к субботе, 20 декабря. Это должно дать нам предварительное представление об общей проблеме под углом зрения Чунцина.
2. Я прошу британцев собрать в Сингапуре военно-морскую конференцию, которая представила бы к субботе, 20 декабря, свой доклад, составленный главным образом под углом зрения операций в южной зоне.
3. Я был бы очень рад, если бы Вы лично переговорили с американским, британским и китайским послами в Москве и сообщили мне Ваши предложения по всему вопросу к субботе, 20-го.
4. В течение ближайшей недели я подвергну обсуждению те же вопросы со здешними британскими миссиями и сообщу Вам о положении, как оно представляется отсюда. Я имел хорошую беседу с Литвиновым, и я вполне понимаю Ваши непосредственные задачи. Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации. Позволяю себе надеяться, что предварительные конференции, намеченные мною на ближайшую неделю, приведут к установлению более постоянной организации для планирования наших усилий. Гопкинс и я шлем Вам свои личные горячие приветы».

РУЗВЕЛЬТ

Сообщая Сталину содержание послания, Литвинов так характеризовал мотивы президента: «Мне кажется, что Рузвельт хочет дать некоторое удовлетворение общественному мнению, требующему общесоюзных действий и осуждающему его за то, что он раньше не привлекал нас к советованиям по тихоокеанским вопросам». «Возможно, — добавлял он, — что Рузвельт не прочь втянуть нас хоть косвенно и словесно в антияпонскую акцию, и что все это является единственной и основной

целью его предложений». Тем не менее, при всём своём скептицизме в отношении затеи Рузвельта посол рекомендовал согласиться на участие советских представителей в предлагаемых Рузвельтом совещаниях в качестве наблюдателей, что «подчеркнёт лишь наше неучастие в войне и наше особое положение и не может поэтому вызвать японский протест, если даже китайцы разгласят»⁵⁵.

Но Сталин, давно опасавшийся преждевременного втягивания СССР американцами в войну с Японией, решил поступить ещё осторожней, чем рекомендовал Литвинов, — он взял паузу, вежливо запросив у Рузвельта разъяснений по предлагаемым совещаниям.

И. В. Сталин Ф. Рузвельту 17 декабря 1941

«Ваше послание получил 16 декабря. В связи с тем, что в Вашем послании не были указаны цели конференций в Чунцине и Москве, и ввиду того, что до открытия конференций оставался всего один день, я полагал возможным выяснить вопрос о целях конференций и возможность отложения конференций на некоторое время при встрече с г-ном Иденом, который только что прибыл в Москву. Однако, как выяснилось, г. Идеи также не информирован по этому вопросу. Ввиду этого я считал бы желательным получить от Вас необходимые разъяснения, дабы обеспечить желательные результаты от участия представителей СССР в этих конференциях.

Разрешите поблагодарить Вас за выраженные Вами чувства по поводу успехов Советской Армии.

Желаю Вам успеха в борьбе против агрессии на Тихом океане.

Шлю Вам и г. Гопкинсу мои личные горячие приветы».

СТАЛИН

Послание было вручено Литвиновым Рузвельту 19 декабря. В ответ на вопрос Сталина президент, как описывал посол его реакцию, «развёл руками и стал повторять неопределённые и путаные объяснения, которые он мне ранее давал». Далее Рузвельт пустился в рассуждения о возможных операциях США против Японии и Германии — бомбардировках Японии с территории Южного Китая, противодействии германскому наступлению на Северную Африку. «По-моему, все эти разговоры — плод растерянности и беспомощности, — жёстко подытожил Литвинов. — Дела в районе Голландской Индии и Сингапура идут

плохо и все тихоокеанские позиции могут скоро оказаться потерянными. Рузвельт хочет создать видимость усиленной дипломатической активности и всяческих совещаний, ибо общественность требует общесоюзных действий и общих планов»⁵⁶. Выжидательная тактика Москвы в данном случае себя оправдала. Рузвельт больше не обращался к Сталину по этому вопросу, однако 22 декабря 1941 г. он заявил Литвинову, что намерен обсудить вопрос о создании Верховного Военного Совета на Тихом океане из представителей США, Великобритании, СССР и Нидерландов. В ответ на это Молотов телеграфировал Литвинову 24 декабря: «...Мы благодарны Рузвельту за приглашение в Верховный Военный Совет, но мы, к сожалению, не можем в настоящее время принять участие в таком Совете..., как держава, не воюющая на Дальнем Востоке...»⁵⁷. Созданный в начале 1942 г. Тихоокеанский военный Совет с участием США, Великобритании и Китая оказался малоэффективным. Отсутствие в его составе СССР не прошло в США незамеченным. В апреле 1942 г. Литвинов в телеграмме Молотову отметил: «Создание здесь Тихоокеанского совета вызвало в некоторых кругах нарекание в связи с игнорированием Советского Союза, ибо общественному мнению неизвестно, что мы сами отказались от участия в этом совете»⁵⁸.

* * *

Канал связи Сталин–Рузвельт пережил в течение лета–зимы 1941 г. серьёзную трансформацию. Он эволюционировал от осторожных первых шагов двух сторон начать прямое общение до возникновения взаимопонимания и определенного доверия между лидерами двух государств. Эта эволюция шла параллельно с общим развитием советско-американских отношений в 1941 г.: от взаимного отчуждения предвоенных лет до сотрудничества на базе американской помощи военным усилиям СССР в борьбе с Германией. Немалую роль в работе канала Сталин–Рузвельт в 1941 г. играли посредники, главным образом с американской стороны. Испытывая недоверие к традиционным каналам дипломатической связи, Рузвельт в общении со Сталиным пользовался услугами своих личных представителей — Гопкинса и Гарримана.

Особое значение придавалось секретности в составлении посланий и условиях доступа

к ним. Советская сторона по степени закрытости и персонализации стояла на первом месте. В ней содержание посланий целиком определялось тандемом Сталин–Молотов и доводилось до сведения отдельных старших членов Политбюро по вопросам их компетенции⁵⁹. Серьёзные меры секретности были предприняты и в США. Послания Рузвельта и Сталина хранились в т. н. «штабной комнате» Белого дома (Map Room), доступ в которую имели лишь Рузвельт, Гопкинс и представитель КНШ адмирал У. Легги⁶⁰.

Большую роль для успешного функционирования канала Сталин–Рузвельт играло формирование приемлемых для обеих сторон норм общения. Наибольшие результаты обмена посланиями между Сталиным и Рузвельтом приносил в тех случаях, когда интересы двух государств совпадали. Именно об этом свидетельствуют послания октября–ноября 1941 г., связанные с результатами Московской конференции. В тех же вопросах, где интересы СССР и США были различны, как в вопросе со вступлением СССР в войну с Японией, результаты обмена посланиями были незначительны.

События 1941 г., ставшие истоком антигитлеровской коалиции, продемонстрировали одновременно и особенности общения лидеров стран «большой тройки», которые будут проявляться на протяжении всей Второй мировой войны. Канал связи Сталин–Рузвельт был тесно связан с двумя другими сторонами «эпистолярного треугольника» — Рузвельт–Черчилль и Сталин–Черчилль. Это создавало своеобразную конкуренцию в англо-американских отношениях: для Рузвельта и Черчилля было непросто совместить тесные отношения внутри своего тандема со стремлением обойти друг друга в личных контактах со Сталиным и установить доверительные отношения с советским лидером. Сталин использовал эту конкуренцию в своих интересах, но и ему, в свою очередь, было также непросто иметь дело со сплоченным англо-американским тандемом, участники которого было гораздо лучше осведомлены о переписке своего ближайшего партнера со Сталиным, чем тот — об их переписке между собой. Короче говоря, переписка «большой тройки» военных лет имела и серьёзное психологическое измерение, которое требует специального изучения.

¹ Hopkins to Roosevelt, July 25, 1941 // FDRL, President's Secretary's File, SAFE File, Hopkins, Harry, Box 3 (впервые опубликовано в: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. М., 1958, Том первый, С. 512).

² Roosevelt to Hopkins, July 26, 1941 // Ibidem. Опубликованный текст послания см. в: Шервуд Р. Рузвельт

и Гопкинс, Т. 1, С. 517–518, а также в: Butler S. *My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin*. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 36.

³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 10 июля 1941 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х тт. (далее — САМО), Т. 1. М., Политиздат, 1984. С. 58–63.

⁴ См. о ней: Golikov F.I. *On a Military Mission to Great Britain and the U.S.A.* Moscow: Progress Publishers, 1987.

⁵ См.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers* (далее — FRUS). 1941. Vol. 1. General. The Soviet Union. Washington: Government Printing Office, 1958. P. 802–814; САМО, С. 80–89.

⁶ Цит. по: Butler S. *Op. cit.* P. 35–36.

⁷ For the President Only. Conference held on July 31, 1941, between Mr. Stalin, Mr. Hopkins and the Interpreter, Mr. Litvinov at the Kremlin in Moscow 6:30 PM to 9:30 PM. Enclosed in: Hopkins to Roosevelt, August 20, 1941 // FDRL, PSF, SAFE File, Russia, Roosevelt–Stalin Messages, 1941–1942. См. также: FRUS. 1941. Vol. 1. P. 813–814; Шервуд Р. Указ. соч., Т. 1, С. 546.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 365, д. 2484, л. 46.

⁹ Как следует из служебной справки МИД СССР, подготовленной при первом издании «Переписки», «источники возникновения этого документа» несмотря на все розыски в Архиве МИД установить так и не удалось (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 82, оп. 2, д. 1091, л. 102).

¹⁰ См.: Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 19 августа 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 106.

¹¹ Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Welles), August 18, 1941. // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 56.

¹² Здесь и далее тексты посланий приводятся по: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: Политиздат, 1957 (далее — Переписка...).

¹³ Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталина с послом США в СССР Л. Штейнгардтом и послом Великобритании С. Криппсом, 15 августа 1941 г. // Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIV. М., Международные отношения, 2000. С. 238. См. также: FRUS. 1941. Vol. 1. P. 819–822.

¹⁴ Приём тов. Сталиным американского посла Штейнгардта и английского посла Криппса. 15 августа 1941 года // РГАСПИ, ф. 558, оп. 011, д. 363, л. 3.

¹⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2364, л. 364–365.

¹⁶ Штейнгардт — Молотову, 20 августа 1941 г. // РГАСПИ, ф. 558, оп. 011, д. 363, л. 4–5.

¹⁷ Memorandum by Harry Hopkins, September 26, 1941. // FDRL, Harry L. Hopkins Papers, Sherwood Collection, Box 306, Book 4.

¹⁸ FDRL, President's Secretary's File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 49.

¹⁹ The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt), September 29, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 836.

²⁰ FDRL, President's Secretary's File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 49.

²¹ The New York Times, October 10, 1941.

²² Тов. Сталину, 11 октября 1941 г. // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, л. 15–16.

²³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 11 апреля 1942 г. // САМО, Т. 1. С. 158.

²⁴ Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence*. Vol. I. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1984. P. 371.

²⁵ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1, С. 610.

²⁶ The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State, October 3, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 840.

²⁷ F. Roosevelt to H. Hopkins, October 25, 1941. // FDRL, President's Secretary File, Diplomatic Correspondence, Russia 1941, Box 45.

²⁸ Memorandum of October 30, 1941. // FDRL, Harry Hopkins Papers, Sherwood Collection, Box 309.

²⁹ Butler S. *Op. cit.* P. 18.

³⁰ Из телеграммы посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел, 13 июля 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 64.

³¹ Стоит отметить, что в данной статье не приводится послание Рузвельта Сталину от 13 октября (текст см. в: Butler S. *Op. cit.* P. 46). Как было отмечено в предисловии к «Переписке» 1957 г., «послание Ф. Рузвельта И.В. Сталину от 13 октября 1941 г., упоминаемое Р. Шервудом, было направлено Ф. Рузвельтом У. Черчиллю в копии для сведения, которая в октябре 1941 г. была передана английским министром Бивербруком советскому пол-

преду в Лондоне; однако каких-либо данных, подтверждающих передачу этого послания непосредственно американскими представителями советским, в архивах также не обнаружено» (Переписка..., Т. 1, С. 4).

³² Переписка..., Т. 2. С. 282.

³³ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о послании Президента США Ф. Рузвельта Председателю Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину 2 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: МФД, 2004. С. 163.

³⁴ To: Stalin October 30, 1941 // FDRL, PSF, SAFE File, Russia.

³⁵ Steinhardt to Vyshinsky, November 5, 1941 // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, лл. 44–48. Опубликованный текст см. в: Butler S. Op. cit. P. 49–51.

³⁶ Приём американского посла Штейнгардта 6 ноября 1941 г. // РГАСПИ, 558, оп. 11, д. 363, л. 50.

³⁷ Приём американского посла Штейнгардта 2 ноября 1941 г. // Там же, л. 23.

³⁸ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941–1945. М., Международные отношения, 1983. С. 59.

³⁹ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о послании Президента США Ф. Рузвельта Председателю Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталину, 2 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 163.

⁴⁰ Приём американского посла Штейнгардта 6 ноября 1941 г. // РГАСПИ, 558, оп. 11, д. 363, л. 49–50.

⁴¹ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л. Штейнгардтом в связи с передачей личного послания И.В. Сталина Президенту США Ф. Рузвельту, 6 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 167–168 (Курсив наш. — Авт.).

⁴² Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 8 ноября 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 138.

⁴³ Как отмечает У. Кимбэлл, перефразировка документов была «обычной практикой, используемой для недопущения взламывания противником шифров и кодов» (Kimball W. F. Op. cit., P. XIX).

⁴⁴ Известия. 1941. 9 ноября.

⁴⁵ Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании, 1 октября 1941 г. // ДВП. Т. XXIV. С. 347.

⁴⁶ Тудоряну Н.Л. Американский Красный Крест в СССР в годы Великой Отечественной войны. По архивным материалам. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 40.

⁴⁷ Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом о Московской конференции трёх держав, 6 октября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 158.

⁴⁸ Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с представителем американского Красного Креста Дж. Никольсоном об оказании помощи СССР по линии американского Красного Креста, 10 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 169–170.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 558, лп. 11, д. 363, л. 63.

⁵⁰ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2366, л. 26; Butler S. Op. cit. P. 54.

⁵¹ S. Welles to the President, November 21, 1941 // FDRL, PSF, Diplomatic Correspondence, Russia: 1941, Box 49.

⁵² Подчёркнуто Молотовым. См.: Запись беседы первого заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с представителем американского Красного Креста Дж. Никольсоном об оказании помощи СССР по линии американского Красного Креста, 22 ноября 1941 г. // Советско-американские отношения. 1939–1945, С. 177.

⁵³ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 8 декабря 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 143. См. также: Remarks by the Ambassador of the Soviet Union (Litvinov) on the Occasion of the Presentation of Letters of Credence to President Roosevelt, [December 8, 1941]. // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 662–663.

⁵⁴ Телеграмма посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР, 11 декабря 1941 г. // САМО, Т. 1. С. 145.

⁵⁵ Из Вашингтона. Сталину. 14.XII.41 // РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 363, лл. 72,74.

⁵⁶ Из Вашингтона. Сталину. 19.XII.41 // АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 346, д. 2366, лл. 179–181.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1091, л. 104.

⁵⁸ Телеграмма посла СССР в США Народному комиссару иностранных дел СССР, 14 апреля 1942 г. // САМО, Т. 1. С. 163.

⁵⁹ Подробнее см.: Печатнов В.О. Сталин–Рузвельт–Черчилль: «большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО–Университета. 2009. № 5. С. 59–69.

⁶⁰ Butler S. Op. cit. P. 7.